

ББК 63.442.14(2)

К.Ю. Кирюшин, С.М. Ситников

Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтайского края*

Ключевые слова: археология, археологические раскопки, эпоха неолита, энеолит, поселение, керамика, призматическое расщепление, пластина.

Key words: archeology, archeological excavations, late Stone Epoch (neolite), eneolite, settlement, ceramics, prismatic splitting, plate.

Эпоха неолита остается одним из наименее изученных периодов в древнейшей истории Западной Сибири. На проходившем в Кемеровском государственном университете 28–30 октября 1999 г. совещании «Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири» поднималась проблема целенаправленного накопления объективных высокоинформативных фактов по неолитической эпохе. В.И. Молодин и В.В. Бобров отмечали, что научное сообщество лишь тогда оперативно и существенно продвинется в решении проблем связанных с изучением эпохи неолита, когда будет строиться как полевые, так и камеральные исследования, исповедуя мультидисциплинарный подход [1, с. 3–8].

Проблема выделения археологических культур не раз становилась объектом оживленных дискуссий [2, с. 448]. Не ставя перед собой задачи рассмотрения общих проблем и критериев выделения археологических культур для всех исторических эпох Алтая, мы хотим подробно разобрать ситуацию с имеющимися концепциями и подходами к проблеме определения культурной принадлежности памятников неолита и энеолита. В современных исследованиях наметился всесторонний подход к изучению археологических источников [3, с. 7]. В этом случае даже если некоторые стороны жизни древних обществ (например погребальный обряд) были неизвестны исследователям, общая историческая картина воссоздается в наиболее полной и убедительной форме [3, с. 7]. В случаях, когда исследователи ограничиваются описанием керамики или каменного инвентаря, на основании аналогий в других культурах дают им хронологическую и культурно-историческую оценку, выделяя культурно-исторические единицы. Некоторые из выделенных культур или общностей в дальнейшем могут изменить свои характеристики благодаря расширению археологических исследований и усовершенствованию методов [3, с. 7].

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

История изучения памятников неолита Алтайского края связана с именами многих уважаемых ученых [4–7]. Созданные ими концепции отражают определенный уровень накопления фактического материала, развития методов естественных наук и господствующие теоретические доктрины. Наиболее подробно история проблемы определения культурной принадлежности памятников неолита изложена в трудах А.В. Шмидта [8]. Не вдаваясь в исследования историографического характера и оценивая уровень развития научной мысли в советской археологии 50–70-х гг., мы подробно остановимся на современных концепциях, опубликованных в научной литературе за последние два десятилетия.

К сожалению, одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи неолита Алтая, заключается в том, что очень часто материалы, полученные в результате археологических раскопок, не введены даже частично в научный оборот, хотя часто музейные коллекции и архивы содержат очень информативные материалы. В своей работе мы вынуждены ориентироваться на опубликованные материалы.

На территории Приобского плато и Верхнего Причумышья в последние годы выделены несколько культур раннего неолита: рубцовская и корначакская соответственно, характеристики которых даны в работах А.В. Шмидта [8–11] и А.Л. Кунгурова [12–15]. По нашему мнению, выделение этих культур, и особенно корначакской, носит крайне дискуссионный характер.

Впервые корначакская культура была выделена в статье А.Л. Кунгурова [13, с. 103–104] по результатам исследования трёх поселений: Усть-Васиха-2 (вскрыто около 100 кв. м), Корначак-2 (20 кв. м) и Усть-Шамониха-1 (упоминается о шурфовке без указания вскрытой площади) [13, с. 98–104]. Из указанных поселений только Корначак-2, по мнению А.Л. Кунгурова, является однослойным [13, с. 102]. Также отмечается, что коллекция каменных артефактов составляет свыше трёх тысяч изделий, при этом керамический комплекс изучен слабо. С поселения Корначак-2 получена радиоуглеродная дата 7340 ± 175 лет (5390 ± 175 л. до н.э.) (СОАН-2990) [13, с. 102; 14, с. 40], поэтому предложенная датировка памятника VI–V тыс. до н.э. не вызывает возражений. На размышления о правомерности выделения корначакской культуры наводит небольшая вскрытая площадь поселений и сравнительно немногочисленный каменный

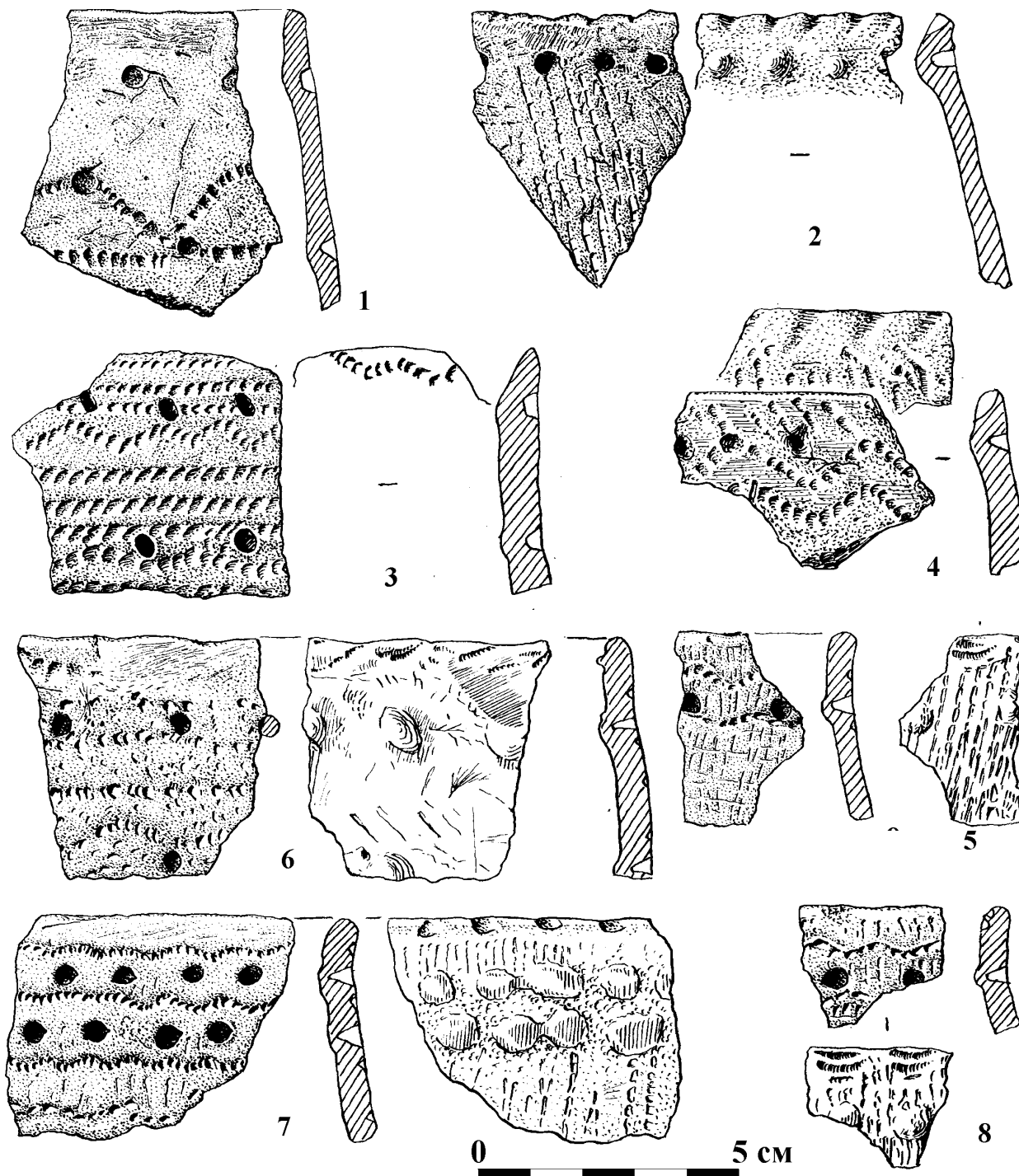

Рис. 1. Поселение Новоилынка III. 1–8 – керамика

инвентарь. По нашему мнению три тысячи артефактов нельзя назвать представительной выборкой, позволяющей дать характеристику археологической культуре. Фрагментарность керамических коллекций привела к тому, что некоторые исследователи [16, с. 47] поставили под сомнение неолитическую датировку керамики поселения Усть-Васиха-2, отнеся ее к эпохе ранней бронзы. К сожалению, за прошедшие годы объем фактического материала по указанным памятникам

и культуре в целом не увеличился. Не отрицая возможности существования в Верхнем Причумышье раннее неизвестной раннеолитической культуры, включение корначакской культуры в хронологические таблицы и периодизационные схемы [12, с. 139–140] нам кажется преждевременным.

Активно упоминающаяся в последние несколько лет рубцовская неолитическая культура выделена исследователями в 1999 г. [15, с. 62–63]. К сожалению,

опубликованные материалы по этой культуре также очень фрагментарны. Из материалов поселения Рубцовское, которое дало название культуре, достаточно подробно описаны только каменные артефакты (1772 экз.) [15]. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в самой первой публикации А.А. Тишкин, описывая обстоятельства залегания культурного слоя на поселении, недвусмысленно замечает, что «каменный инвентарь, как правило, залегал ниже, нежели фрагменты керамики. Данный факт проявился на всей площади раскопа» [17, стр. 32]. Далее автор отмечает, что хотя керамический материал немногочисленный, однако привлекает внимание ряд фрагментов с текстильными отпечатками на внешней поверхности сосудов, кроме того, ряд фрагментов находит аналоги на памятниках эпохи ранней бронзы Алтая [17, с. 35]. В более поздних публикациях учёные, проводившие работы на поселении Рубцовское, не уделяют должного внимания обстоятельствам залегания находок [8–10]. Из опубликованных работ создается впечатление, что каменный инвентарь и керамика являются частью единого комплекса. Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство. В серии работ А.В. Шмидт характеризует керамический комплекс рубцовской культуры [8–10]. По мнению автора, в оформлении керамики прослеживаются несколько орнаментальных традиций: прочерченный орнамент, гребенка, наколы, однако наибольшее количество посуды (около 50%) неорнаментированно. Отмечено также, что некоторые сосуды онаментированны с внутренней стороны [8, с. 11]. О фрагментах с текстильными отпечатками на внешней поверхности сосудов не сказано ни слова. Керамика, украшенная гребёнкой и наколами, а также орнаментированная с внутренней стороны, находит многочисленные аналоги в материалах памятников кипринского типа, поскольку украшена прочерченным орнаментом завьяловского типа. В настоящий момент опубликовано всего несколько фрагментов керамики [10; 11, с. 71, рис. 2-1], причем большинство со стоянки Гусятник-2 в Новичихинском районе Алтайского края. Как отмечают сами авторы публикации [11, с. 68], материал собран с раздува площадью 700 кв.м, культурный слой памятника практически полностью уничтожен. По большому счету у нас нет неоспоримых доказательств, что керамика и каменный материал являются частью единого комплекса. Единственный опубликованный сосуд, у которого почти полностью реконструируется форма, украшен гребенчатым орнаментом [11, с. 71, рис. 2-1]. Подобная форма и орнаментация посуды очень широко распространены в Северной Евразии и в эпоху неолита, и в энеолите.

По мнению А.В. Шмидта, в каменной индустрии и керамике рубцовской культуры просматривается сходство с ранне- и средненеолитическими комплексами Средней Азии, Казахстана, Южного Урала, Волго-

Уральского междуречья [10, с. 13]. Вообще широкий круг аналогов материалам рубцовской культуры от Волги до Средней Азии А.В. Шмидт объясняет схожими путями исторического развития, истоки которого он видит в кельтеминарском влиянии, а территорию рубцовской культуры рассматривает как восточную периферию распространения «кельтеминарской общности» [9; 10, с. 13]. В целом данное положение не вызывает возражений, но очень странно, что отмечая микролитический характер индустрии рубцовской культуры и развитую призматическую технику скальвания, исследователь не привлекает для сравнения материалы поселения Тыткескень-2. Древние жители поселений Тыткескень-2 и Рубцовское использовали разную сырьевую базу, что, несомненно, стало одним из факторов, определяющих различия каменных индустрий этих памятников (таких факторов, конечно, было гораздо больше), но несмотря на различия, те материалы, с которыми мы имели возможность ознакомиться, свидетельствуют об определенной степени близости приемов первичного расщепления и вторичной обработки пластин. Различия фиксируются, прежде всего, в составе орудийного набора. Такие категории, как долота и тесла, широко представленные на поселении Рубцовском, на Тыткескене-2 встречены в единичных экземплярах.

Выводы исследователей о хронологии памятников рубцовской неолитической культуры не подтверждены радиоуглеродными датами [9; 10; 11; 18]. Без этого все периодизационные построения [12] и схемы распространения культуры [10] смотрятся неубедительно.

Не отрицая возможности существования на территории Приобского плато ранее неизвестной ранне-неолитической культуры, хотелось бы отметить, что пока не опубликованы в полном объеме все материалы памятников, относимых к рубцовской культуре, и с них не получены радиоуглеродные даты, проблемы реконструкции этнокультурных и демографических процессов на территории региона далеки от разрешения [18].

Впервые вопросы культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Верхнего Приобья были рассмотрены М.Н. Комаровой, которая «по характеру керамики» выделила для этого региона три типа памятников (кипринский, ирбинский и кротовский), которые, по ее мнению, по-видимому, соответствовали трём хронологическим этапам неолитической культуры [4, с. 94]. Позднее поселения кротовского типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным в самостоятельную кротовскую культуру [7, с. 48]. В.И. Матющенко включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа – кипринский и ирбинский [6, с. 110, 121]. Он также предложил датировать эти памятники IV–III тыс. до н.э., отметив,

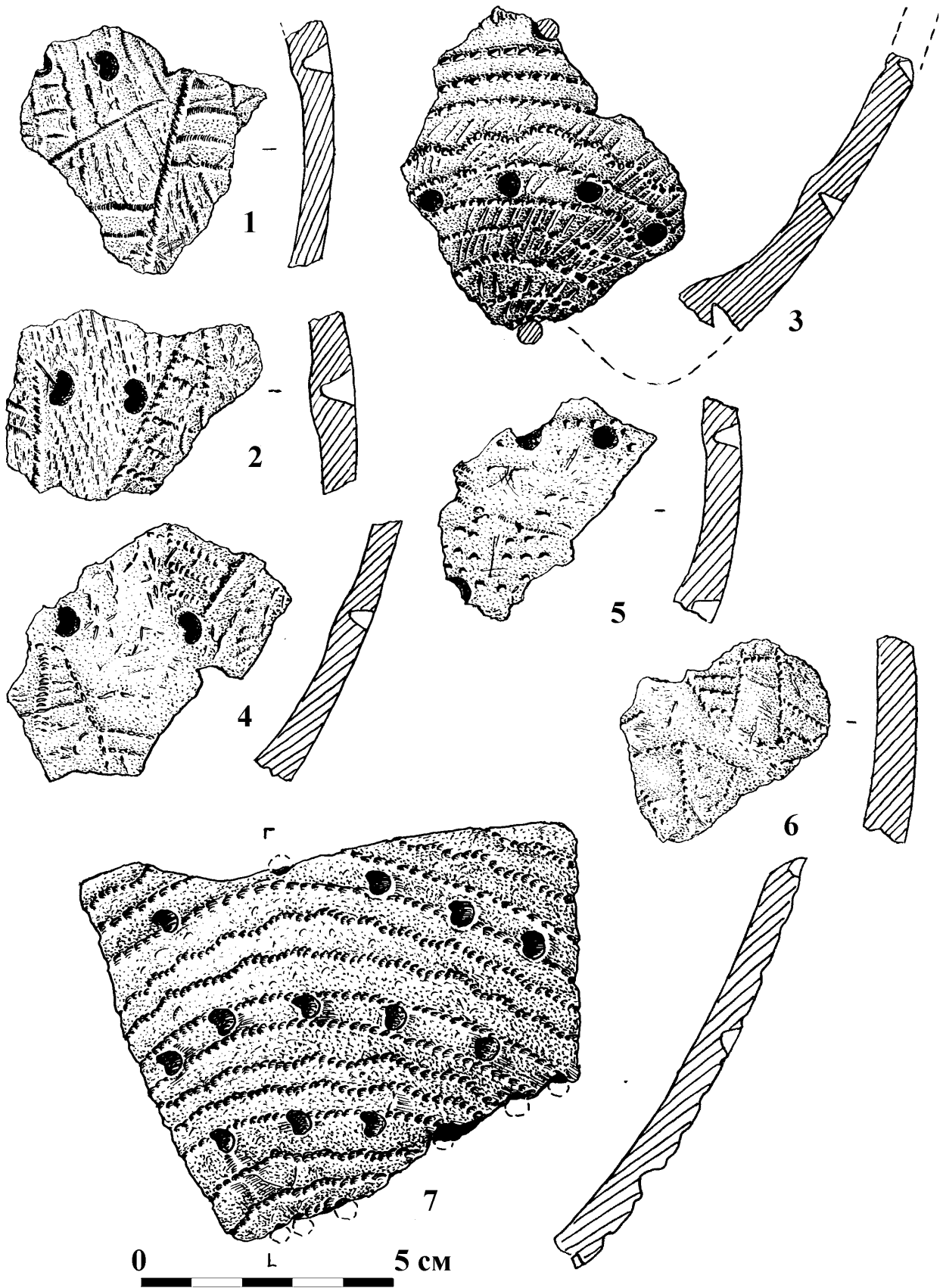

Рис. 2. Поселение Новоильинка III. 1-7 – керамика

что это время частично соответствует афанасьевскому в Южной Сибири [5, с. 14].

По мнению В.И. Молодина, развитие неолитической эпохи Верхнего Приобья происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский в рамках верхнеобской неолитической культуры [7, с. 25]. Ирбинские памятники Вячеслав Иванович отнёс к эпохе раннего металла [7, с. 36]. В.А. Зах также в рамках верхнеобской неолитической культуры выделил два этапа: ранний – изылинский, поздний – кипринский, а ирбинские памятники отнес к эпохе раннего металла [19, с. 146, 155].

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что большинство исследователей в рамках единой неолитической культуры выделяют несколько хронологических этапов (чаще два). У всех ученых присутствует кипринский этап, в двух случаях ранний, в двух – поздний. На сегодняшний день не вызывает сомнения выделение В.И. Молодиным самостоятельной кротовской культуры. Отдельно стоит остановиться на точке зрения Ю.Ф. Кирюшина, который в полном объёме ввёл в научный оборот материалы поселений Киприно и Ирба. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, эти комплексы относятся к эпохе энеолита [16, с. 38–45]. Памятники ирбинского типа [7], или культуры [12], или комплекса [19; 20] специалисты относят либо к эпохе раннего металла [7; 19], либо к завершению каменного века [12], либо датируют IV–III тыс. до н.э. [20]. Правда, в некоторых случаях исследователи достаточно вольно трактуют ирбинский тип. Так, Н.Ю. Кунгурова отнесла к ирбинскому типу материалы поселения Енисейское-I [20]. Исследовательница сама замечает, что «керамика, в особенности ее форма, не характерна для известных стереотипов ирбинской посуды» [20, с. 5]. Мы согласны с Н.Ю. Кунгуровой, что керамика поселения далека от ирбинских стереотипов, и, по нашему мнению, вопрос о культурной принадлежности памятника стоит рассматривать вне рамок ирбинского типа (комплекса или культуры). Поселение Енисейское-I является по сути дела единственным памятником неолита на территории Предалтайской равнины, на котором проводились археологические раскопки и полученные материалы хотя бы частично введены в научный оборот.

В результате складывается достаточно мозаичная картина различных точек зрения исследователей на одни и те же проблемы. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, так как большинство из имеющихся в распоряжении археологов материалов получены с разрушенных стоянок, на которых очень часто представлены разновременные комплексы. Это обстоятельство позволяет субъективное «прочтение» материала через призму той или иной научной концепции, так как многие типы каменных артефактов, так же, как формы и способы орнаментации керамики, распространены на огромной

территории в широком хронологическом диапазоне. Поэтому во многом обоснованной представляется позиция А.В. Шмидта, который предлагает отказаться от термина «верхнеобская неолитическая культура», а использовать термин «неолит Верхнего Приобья», не уточняя культурную принадлежность памятников [8, с. 21; 10, с. 18]. При этом автор предлагает «использовать такие понятия как: «завьяловский», «кипринский», «изылинский» и др. типы памятников или керамики. Но использовать эти термины не как названия хронологических этапов, характерных для всего или большей части Верхнего Приобья, а именовать ими локальные варианты, имеющие своё временное и территориальное место» [8, с. 21]. В целом мы согласны с этим положением, но считаем, что оно нуждается в уточнении. Одной из главных проблем в реконструкции этнокультурных процессов на территории Верхнего Приобья и Приобского плато является отсутствие радиоуглеродных дат. При определении естественно-научными методами хронологии памятников проблемы их периодизации и культурной принадлежности будет решать гораздо легче.

На территории Кулундинской низменности до недавнего времени памятники неолита и энеолита были практически неизвестны. Отдельные сборы и подъёмные материалы с разрушенных памятников не позволяли даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на этой территории в неолите и энеолите. Общая картина картина начинает меняться после исследований на поселении Новоильинка III, которое находится в Хабаровском районе Алтайского края. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого вскрыто около 30 кв. м. Обстоятельства залегания материалов позволяют говорить о сохранности культурного слоя в непереотложенном состоянии. В первой публикации рассматривались проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятника. Исследователи отмечали научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка III, а также близость материалов полученных керамических коллекций и материалов пос. Киприно и других памятников кипринского типа. Материалы поселения были предварительно датированы первой половиной III тыс. до н.э. и отнесены к эпохе позднего неолита – энеолита [21, с. 281–282].

Коллекция керамики, полученная в результате раскопок, насчитывает 394 экз. Наиболее представительная часть коллекции – фрагменты сосудов, орнаментированные рядами или волнами отступающей палочки, разделенными рядами наколов: 16 фрагментов венчиков (рис. 1 – 1, 3–8), два фрагмента от придонной части (рис. 2 – 3, 7) и 225 фрагментов стенок (рис. 3 – 1–3) из которых почти половина – очень мелкие фрагменты размерами от 1x1 до 2x2 см. В одном случае отпечатки отступающей палочки образуют ряды треугольников по венчику сосуда

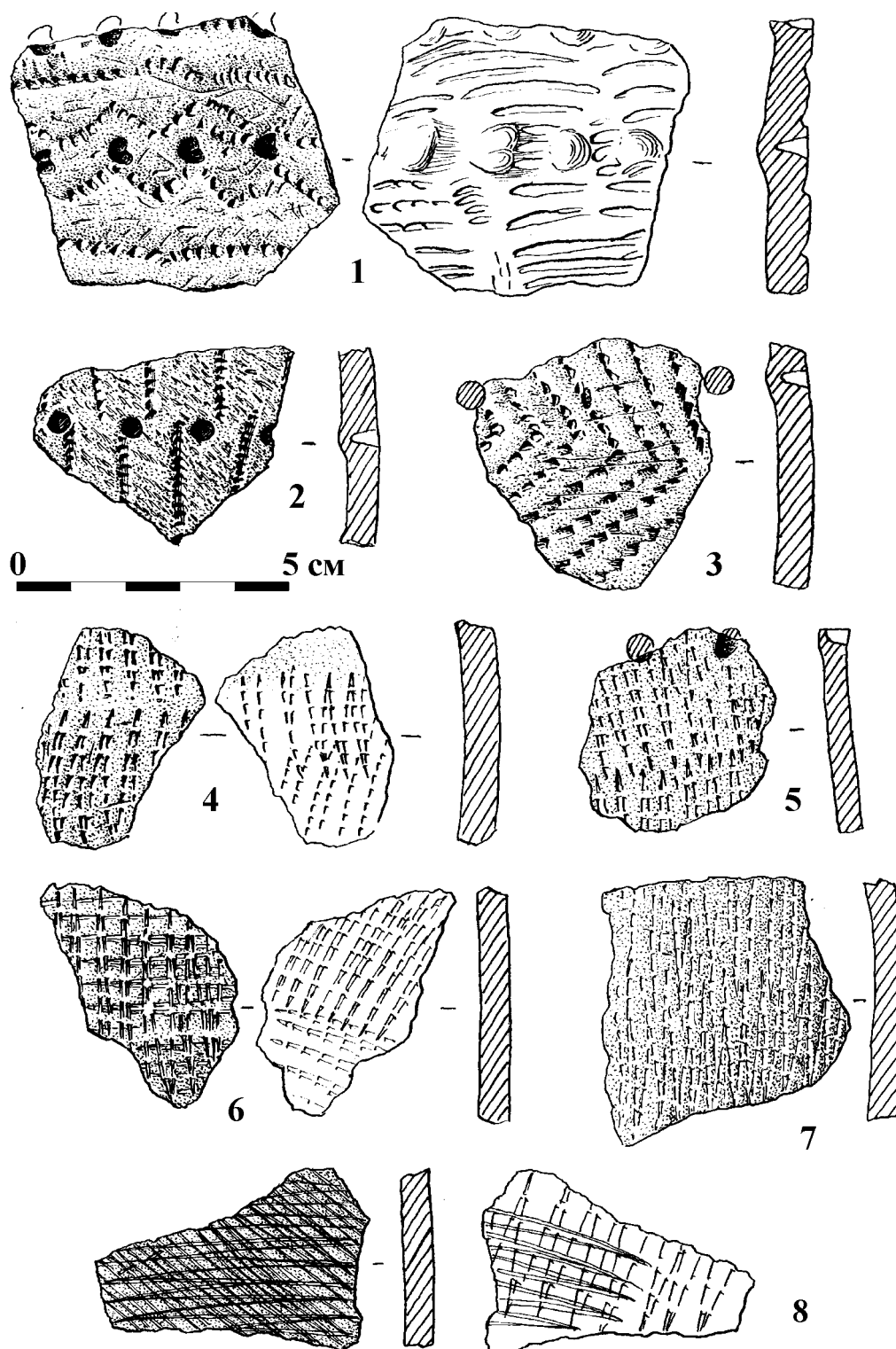

Рис. 3. Поселение Новоильинка III. 1-8 – керамика

(рис. 1 – 1). Как правило, толщина стенок сосудов керамики этой группы 6–9 мм.

Шагающей гребенкой орнаментированы один венчик (рис. 1 – 2) и 30 фрагментов стенок сосудов (рис. 3 – 4–8). Толщина стенок сосудов керамики этой группы – 4–6 мм.

Геометрическим орнаментом украшено 8 фрагментов керамики (рис. 2 – 1–2, 4, 6). Эта группа представлена очень фрагментарно, но на имеющихся в нашем распоряжении фрагментах прослеживаются заштрихованные треугольники (рис. 2 – 1–2, 4, 6). Орнамент нанесён гребенчатым штампом с элементами

протаскивания. Толщина стенок сосудов керамики этой группы – 5–8 мм.

Довольно много неорнаментированной керамики (113 экз.), но в основном это очень мелкие фрагменты размерами от 1х1 до 2х2 см.

Подобное разделение керамики на группы носит достаточно условный характер. Дело в том, что на некоторых фрагментах керамики хорошо прослеживается, что ряды отступающей палочки и наколы (рис. 1 – 2, 4, 5, 8; 2–3; 3–5) нанесены поверх шагающей гребёнки. У отдельных сосудов под рядами отступающей палочки и наколами (рис. 2–3) прослеживаются какие-то следы обработки поверхности сосуда до орнаментации, но идентифицировать способы обработки нам не удалось. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками (рис. 1 – 2, 4–8) или отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1 – 3). У многих сосудов на внутренней поверхности прослеживаются отпечатки гребенчатого штампа (рис. 1 – 4–8; 3 – 1, 4, 6, 8). Мы предполагаем, что гребенчатый штамп мог использоваться при конструировании сосуда для обработки стыков между глиняными жгутами (или лентами).

По причине сильной фрагментарности форму сосудов невозможно восстановить, можно только отметить, что у сосудов, судя по двум фрагментам, были приостренные днища (рис. 2 – 3, 7). Также можно отметить, что у некоторых сосудов венчик слегка отогнут наружу. Толщина стенок сосудов от 0,4 до 0,7 см. Визуально фиксируются в тесте следы органики. На внутренней и внешней поверхности сосудов хорошо видны следы обработки гребенчатыми орудиями перед нанесением орнамента.

Керамика, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделёнными рядами наколов, характерна для памятников кипринского типа [7; 16]. Орнаментация сосудов шагающей гребёнкой – приём, широко распространённый для памятников от неолита до ранней бронзы на огромной территории Северной Евразии. Керамика, орнаментированная геометрическими орнаментами, имеет аналогии в материалах ботайской культуры [22], на энеолитических памятниках Среднего Зауралья [23].

Коллекция каменных артефактов насчитывает 100 экз. К сожалению, данную выборку нельзя считать представительной. Анализ любой каменной индустрии предполагает создание тип-листа. Ввиду немногочисленности коллекции мы ограничимся описанием артефактов каменной индустрии и ограничимся только общими предварительными выводами.

Продукты первичного расщепления представлены пластинчатым отщепом мелкого размера.

Орудийный набор составляют 43 изделия: орудия на пластинах – 1 экз., орудия на отщепе – 37 экз., орудия с подшлифовкой – 6 экз.

К орудиям на пластинах относится резец, выполненный на медиальном фрагменте пластины – 1 экз. (рис. 4 -10).

Наиболее представительная категория орудий на отщепах – скребки (24 экз.), из которых 20 целых (рис. 4 – 1–3, 5–7, 9, 12, 13) и 4 обломка. Среди скребков выделяются крупные (рис. 4 – 1), средних размеров (рис. 4 – 2–3, 5–7, 9) и мелкие (рис. 4 – 12, 13). Встречены следующие типы скребков:

Овальные (круглые скребки) – 7 экз., все выполнены на обычных отщепах (рис. 4 – 1, 3, 12). Выпуклый рабочий край занимает весь периметр заготовки. Рабочие края оформлены дорсальной, модифицирующей, краевой либо захватывающей, равнофасеточной либо разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Полуовальные скребки – 8 экз. (рис. 4 – 2, 9, 13). Выпуклый рабочий край занимает 3/4 периметра заготовки. Рабочий край оформлен дорсальной, модифицирующей, краевой либо захватывающей, равнофасеточной либо разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Двойной скребок – 1 экз. (рис. 4 – 6). Рабочие края расположены на противоположных краях заготовки, оформлены крутой ретушью. Концевой боковой скребок – 1 экз. (рис. 4 – 5). Рабочие края расположены на дистальном и боковом краях заготовки. Рабочий край на дистальном краю оформлен дорсальной крутой, чешуйчато-ступенчатой ретушью, на боковом краю – двусторонней, с дорсальной стороны крутой, с вентральной плоской ретушью. Скошенные скребки – 2 экз. (рис. 4 – 8) – выполнены на обычных отщепах. Рабочие края оформлены дорсальной полукрутой ретушью. Веерообразный скребок – 1 экз. (рис. 4 – 7), выполнен на простом отщепе. Рабочий край расположен на дистальном конце заготовки, оформлен дорсальной полукрутой чешуйчато-ступенчатой ретушью.

Вторая по численности категория – обломки наконечников стрел (7 экз.). Все наконечники стрел выполнены на отщепах (рис. 4 – 14, 17 – 21). Так как все изделия этой категории представлены в обломках, мы не будем подробно останавливаться на их типологии, но, видимо, большинство из них относится к так называемым наконечникам иволистной (рис. 4 – 14, 17, 19) либо подтреугольной формы (рис. 4 – 20), у одного из обломков похоже выделен черешок (рис. 4 – 17). Отщепы с ретушью – 4 экз. Острие типичное ассиметричное – 1 экз. (рис. 4 – 11). К комбинированным орудиям можно отнести обломок крупного наконечника стрелы, на котором выполнен скребок (рис. 4 – 16).

Большинство орудий с подшлифовкой представлено обломками – 3 экз. Очень выразителен обломок крупного рубящего орудия с подшлифовкой (рис. 4 – 4). К орудиям с подшлифовкой нами также отнесены абразивы – 2 экз. (рис. 4 – 15).

Отходы производства 56 экз. – наиболее массовая категория находок, которая разбивается на чешуйки

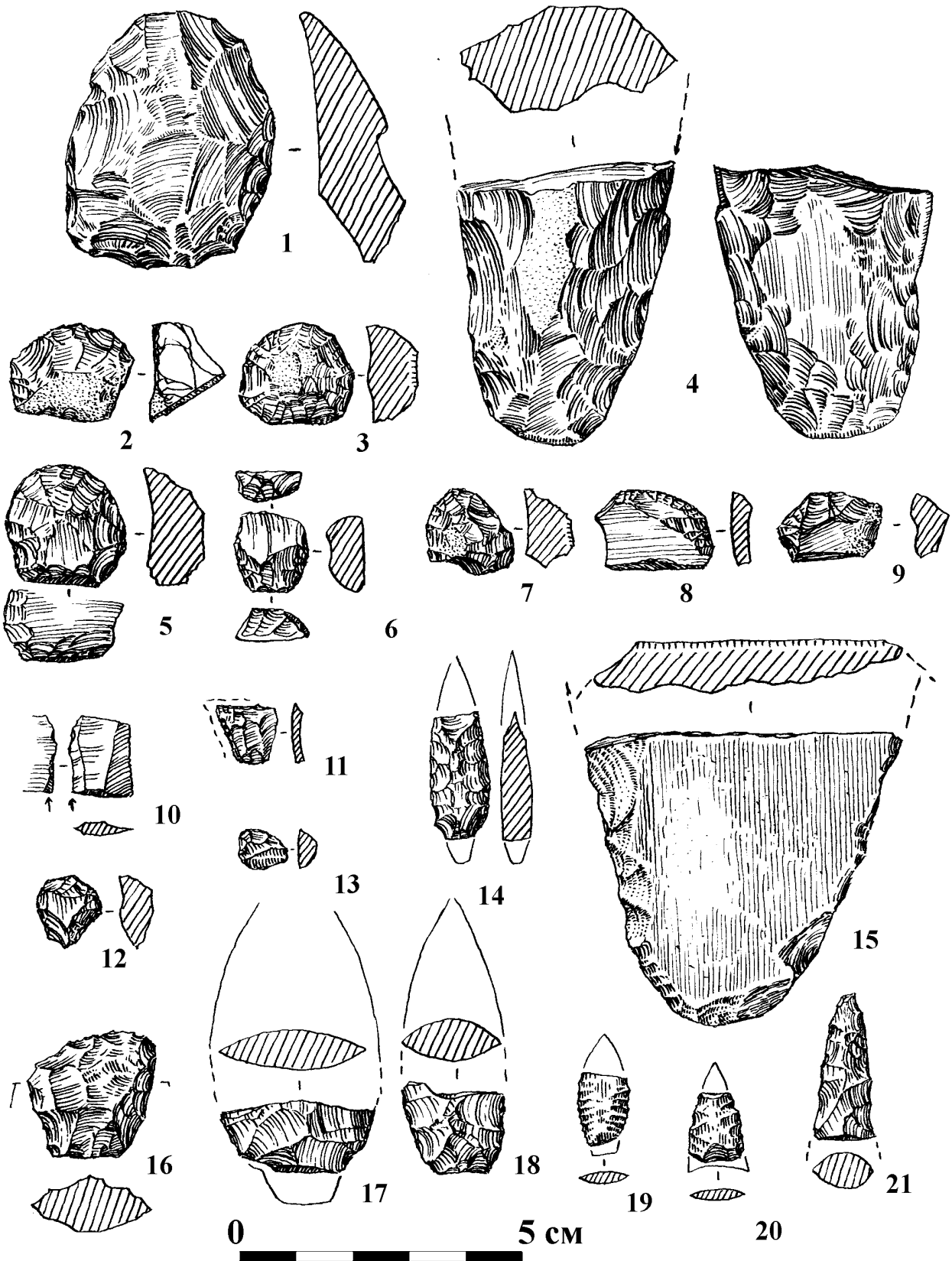

Рис. 4 Поселение Новоилынка III.

1-21 – камень; 1-3, 5-9, 12-13 – скребки; 4 – обломок рубящего орудия; 10 – резец на пластине; 11 – острие; 14, 17-21 – обломки наконечников стрел; 15 – абразив; 16 – комбинированное орудие

– 16 экз., отщепы – 30 экз. и осколки – 10 экз. К чешуйкам отнесены сколы диаметром менее одного сантиметра. Ударные площадки либо точечные, либо неопределимые. Среди отщепов 26 мелких (размеры от 1 до 3 см) и 4 средних (размером от 3 до 5 см). Среди осколков 6 мелких (размеры от 1 до 3 см), 3 средних (размером от 3 до 5 см) и 1 крупный (свыше 5 см).

Как отмечают исследователи, «тенденция к изменению от пластинчатой техники к отщеповой служит хронологическим маркером выделения этапов развития неолитических культур» [1]. В материалах поселения Новоильинка III продукты призматической техники скалывания представлены невыразительным пластинчатым отщепом и резцом, выполненным на медиальном фрагменте мелкой пластины. Казалось бы, признаки деградации призматической техники расщепления налицо, но нам пока не хотелось бы торопиться с выводами. При небольшой вскрытой площади памятника (30 кв. м) велика вероятность, что некоторые артефакты просто не попали в зону раскопа. Хотя отсутствие продуктов первичного расщепления (нуклеусов, продуктов снятий с них и подработки нуклеусов) – факт достаточно показательный.

Анализ остеологических коллекций поселения, выполненный С.К. Васильевым, показал, что среди определимых остатков абсолютно преобладают кости лошади [24, с. 363]. Также было установлено, что большинство из промеров костей лошади из Новоильинки III приближается к средним значениям промеров лошадей Ботая, что фауна с поселения по своему составу, относительно обилию представленных в ней видов оказывается весьма близка к фауне поселения Ботай в Северном Казахстане [24, с. 365]. Среди исследователей нет единства в отношении скотоводства у ботайцев. Часть исследователей считают ботайскую лошадь дикой. Мы склонны считать, что население поселения Новоильинка III занималось скотоводством.

По костям животных получена радиоуглеродная дата 4270 ± 170 л.т.н. (Ле-7534), что позволяет датировать материалы поселения Новоильинка III второй половиной III тыс. до н.э.

Результаты радиоуглеродного датирования, анализ каменных, керамических и фаунистических коллекций пос. Новоильинка III позволяют сделать вывод, что материалы памятника относятся к эпохе энеолита. Мы согласны с исследователями, которые отмечали близость материалов полученных керамических коллекций и материалов памятников кипринского типа. Мы считаем, что материалы поселений Новоильинка III и Киприно, несомненно, относятся к единой культурной традиции. Керамический комплекс поселения выглядит очень однородным. Подавляющая доля керамики орнаментирована в технике отступающей и прочерченной палочки, которые сочетаются с поясами ямок и ямочных наколов. Возможно, на формирование хозяйственно-культурного типа памятника оказало

влияние население из Восточного Казахстана [24, с. 365], однако в том, что местный кипринский компонент составляет доминирующее влияние в комплексе, у нас сомнений нет.

Результаты радиоуглеродного датирования и анализ коллекций поселения Новоильинка III поднимают целый комплекс проблем, требующих дальнейшего углубленного исследования памятников неолита и энеолита Алтая. Научный потенциал и перспективы исследования памятника позволяют надеяться на получение новых высокоинформативных материалов, позволяющих нам продвинуться в решении сложных проблем этнокультурной ситуации на Алтае в эпоху неолита и энеолита. В ближайшее время мы планируем получить серию дат по материалам поселения Новоильинка III. Возможно, мы сможем отобрать образцы для датирования с других памятников кипринского типа. Не исключено, что для каких-то памятников будут получены даты позволяющие отнести комплексы к эпохе неолита, но скорее всего, они будут укладываться в рамки III тыс. до н.э.

В целом просматривается следующая тенденция, в настоящее время значительно сократилось количество источников по эпохе неолита Верхнего Приобья. Кротовские комплексы относят к эпохе раннего металла или ранней бронзы, ирбинские, а теперь и кипринские памятники – к эпохе энеолита. Кроме того, Ю.Ф. Кирюшин часть памятников, ранее относимых к неолиту, включил в состав большемысской энеолитической культуры [16, с. 16]. По сути дела только завьяловские или изылинские комплексы относят к неолиту, но по этим комплексам нет радиоуглеродных дат. Поэтому позиция А.В. Шмидта, который предлагает использовать термин «неолит Верхнего Приобья» [8, с. 21; 10, с. 18], требует уточнения. По сути дела этот термин не наполнен конкретным содержанием. В настоящий момент мы вновь оказываемся в ситуации, когда необходимо обосновывать отнесение каждого отдельного памятника к эпохе неолита. Требуется ревизия всех имеющихся материалов эпохи неолита Алтая и комплексное изучение археологических коллекций. Кроме того, необходимо целенаправленное исследование поселенческих комплексов неолита и энеолита Алтая. При этом особое внимание должно быть направлено на выяснение хронологии и периодизации памятников, и только после этого необходимо решать вопросы их культурной принадлежности.

Решение вопросов реконструкции этнокультурной ситуации на территории Алтая невозможно без привлечения материалов погребальных комплексов, но мы намеренно оставили эту проблему за рамками исследования, собираясь рассмотреть её в следующей работе.

Проблемы культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтая, изложенные в этой статье, направлены на привлечение внимания специалистов к существующей ситуации. Именуемый

в нашем распоряжении фактический материал позволяет обозначить существующие проблемы, которые пока далеки от окончательного решения. Отрадно, что наши коллеги отмечают, что существующие периодизационные схемы являются «рабочими», требующими обсуждения, дополнения и обновления, а также корректировки в связи с накоплением новых

материалов [12, с. 142]. Более тщательный и детальный подход к каждому археологическому памятнику и более широкое использование методов естественных наук позволит нам в будущем отойти от субъективных оценок и приблизиться к объективному пониманию сложных процессов, происходивших на Алтае в эпоху неолита и энеолита.

Библиографический список

1. Молодин, В.И. Предисловие / В.И. Молодин, В.В. Бобров // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.
2. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л., 1991.
3. Археология. Неолит Северной Евразии. – М., 1996.
4. Комарова, М.Н. Неолит Верхнего Приобья / М.Н. Комарова // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64.
5. Матюшенко, В.И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Матюшенко. – Томск, 1960.
6. Матюшенко, В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) / В.И. Матюшенко // Из истории Сибири. – Вып. 9. – Томск, 1973.
7. Молодин, В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1977.
8. Шмидт, А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Шмидт. – Барнаул, 2005.
9. Шмидт, А.В. К проблеме среднеазиатского влияния на территорию Лесостепного Алтая в неолите / А.В. Шмидт // Кадырбаевские чтения : материалы Международной научной конференции. – Актобе, 2007.
10. Шмидт, А.В. К проблеме освоения южной зоны Обь-Иртышского междуречья в мезолите и неолите / А.В. Шмидт // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири : сб. научных тр. – Вып. 6. – Горно-Алтайск, 2007.
11. Шмидт, А.В. Неолитический комплекс поселения Гусятник-2 / А.В. Шмидт, Л.Н. Смирнова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая : материалы региональной научно-практической конференции. – Вып. XVI. – Барнаул, 2007.
12. Кунгуров, А.Л. Опыт создания периодизации каменного века Алтая / А.Л. Кунгуров // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 3. – Барнаул, 2007.
13. Кунгуров, А.Л. Неолит Верхнего Причумышья / А.Л. Кунгуров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. VIII. – Барнаул, 1997.
14. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Верхнем Чумыше / А.Л. Кунгуров // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
15. Кунгуров, А.Л. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское / А.Л. Кунгуров, А.В. Онников, А.А. Тишкин // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.
16. Кирюшин, Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул, 2002.
17. Тишкин, А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей / А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. V. Ч. 2. – Барнаул, 1995.
18. Шмидт, А.В. Демографические процессы на территории Приобского плато в неолите / А.В. Шмидт // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003.
19. Зах, В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья / В.А. Зах. – Тюмень, 2003.
20. Кунгурова, Н.Ю. Поселение Енисейское – I – памятник ирбинского типа / Н.Ю. Кунгурова // Археология и этнография Алтая. – Вып. 1. – Горно-Алтайск, 2003.
21. Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – новый памятник неолита в Северной Кулунде / С.М. Ситников, С.П. Грушин, Ю.И. Гельмель // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. XV. – Барнаул, 2006.
22. Зайберт, В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В.Ф. Зайберт. – Петропавловск, 1993.
23. Чаиркина, Н.М. Энеолит Среднего Зауралья / Н.М. Чаиркина. – Екатеринбург, 2005.
24. Ситников, С.М. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка III / С.М. Ситников, С.К. Васильев, К.Ю. Кирюшин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Т. XIII. – Новосибирск, 2007.